

Неизвестно, каким вырастет Е Наньмянь под таким воспитанием Е Наньфэна!

Закончив накладывать лекарство и вкратце прочитав нотацию младшему брату, Е Наньфэн поднялся, намереваясь вернуться в свою спальню для отдыха, и обратился к сидящему рядом брату, который смотрел на него с мольбой в глазах:

— Хорошо отдохни, я тоже пойду отдыхать.

Лицо Е Наньмяня мгновенно исказилось от обиды, и он жалобно позвал:

— Старший брат.

Е Наньфэн даже не взглянул на него и прямо спросил:

— Что еще?

Е Наньмянь: [...]

Почему старший брат так жесток.

Увидев, что тот не отвечает, Е Наньфэн слегка повернул голову и снова спросил:

— Что еще?

Е Наньмянь сначала посмотрел на старшего брата, не зная, какое у него сейчас настроение, и, не сумев понять по его лицу, что он чувствует, осторожно произнес:

— Мне больно, и в этот жаркий летний день, старший брат, пожалуйста, не уходи. Я хочу, чтобы ты остался со мной.

Е Наньмянь подумал, что Чу Ке говорил: каждый раз, когда он болел или получал травму, его мать или старший брат оставались с ним. Так что, как наследник Линьань-вана, было вполне нормально хотеть, чтобы старший брат остался с ним, пока он выздоравливает.

Е Наньфэн с подозрением взглянул на малыша. Его круглые глаза, не мигая, смотрели на него, а лицо, покрытое ужасными ссадинами, действительно выглядело жалко.

Е Наньфэн сел и спросил:

— Почему ты хочешь, чтобы я остался с тобой? Я помню, что каждый раз, когда ты получал травму, ты все равно мог прыгать и бегать, и никогда не просил, чтобы кто-то остался с тобой. К тому же, я не люблю спать с кем-то в одной постели.

Хотя старший брат не сказал прямо, что согласен, он и не отказал. Е Наньмянь понял, что тот

согласился, и немного расслабился:

— Чу Ке каждый раз, когда болеет, с ним остается его старший брат или мать.

Е Наньфэн: [...]

Действительно, малыш. Что бы у других ни было, он тоже этого хочет, но никогда не осмеливается просить у матушки, а вот на меня наваливается.

— Спи быстрее, — Е Наньфэн предупредил его. — Постарайся не лежать на лице, иначе тебе будет плохо.

Послушный, но озорной младший брат кивнул, как цыпленок, клюющий зерно.

В конце концов, об этом узнал тайфу, и каждый был наказан переписать текст «Тысяча иероглифов». Бедный младший брат, вернувшись домой, был долго отчитан супругой Линъань-вана.

На следующий день, вернувшись с занятий, братья застали Линъань-вана, который вернулся рано и решил проверить их успехи в учебе.

Линъань-ван Е Чуйгань, одетый в черный халат с вышитым золотом цилиндром, на голове носил нефритовую корону с сапфирами, а на поясе — черно-золотой ремень, украшенный редким нефритом, с золотой застежкой в форме белого нефрита.

Видимо, на этот раз он не занимался своими привычными делами, а только что вернулся с работы. Ему было около двадцати четырех-пяти лет, в самом расцвете мужской силы, с аристократической и непринужденной манерой поведения, с легкой улыбкой на лице, словно он был образцом благородного юноши.

Е Наньфэн с трудом справился с проверкой, а Е Наньмянь, казалось, прошел ее без особых усилий. Это заставило Е Наньфэна еще больше укрепиться в мысли, что ему нужно как можно быстрее адаптироваться к этой жизни, пока он не сможет стать самостоятельным.

К вечеру район столицы, где находились резиденции аристократии, не затихал с наступлением темноты, напротив, он казался еще более оживленным, чем днем.

В каждом доме зажглись огни, и свет фонарей сливался в единый пейзаж столицы. Помесье Линъань-вана, как королевская резиденция, было ярче, чем другие дома, а мерцающий свет делал величественный дворец еще более роскошным и торжественным.

После ужина Линъань-ван Е Чуйгань снова вызвал братьев в кабинет для личной беседы. Видя, что настроение Линъань-вана неплохое, Е Наньфэн воспользовался моментом и попросил

сменить двор, объяснив, что теперь он хочет найти уединенное место, чтобы сосредоточиться на учебе.

Е Чуйгань подумал и понял, что на этот раз Е Наньфэн ответил на многие вопросы с трудом, и во многих местах действительно был не так уверен. Поэтому, не раздумывая долго, он согласился, сказав, что во дворе есть несколько уединенных мест, и он может выбрать любое. Е Наньфэн выбрал двор в северо-западном углу.

Е Наньмянь, увидев, что старший брат сменил двор, тоже не захотел оставаться среди женщин в заднем дворе и попросил переехать оттуда, чтобы учиться вместе с братом.

На этот раз Е Чуйгань согласился без колебаний. Е Наньмянь был крайне рад и даже подмигнул Е Наньфэну, словно хвастаясь, но тот не обратил на него внимания.

Е Наньмянь, увидев, что старший брат, кажется, его избегает, немного расстроился, и в его голове внезапно возникла идея: если старший брат его избегает, то он сделает так, чтобы они всегда были вместе, и тогда, со временем, старший брат перестанет его избегать.

Если бы Е Наньфэн знал, что из-за одного его жеста у Е Наньмяня возникла такая мысль, даже если бы он был человеком с каменным лицом, он бы заставил себя улыбнуться. К сожалению, Е Наньфэн этого не знал.

Е Наньфэн, увидев, как малыш хитро смотрит на него, понял, что тот задумал что-то нехорошее, так как каждый раз, когда у него возникала какая-то идея, он выглядел именно так. Только вот на этот раз Е Наньфэн не знал, что именно задумал малыш.

Хотя он знал, что тот задумал что-то плохое, Е Наньфэн не собирался вмешиваться и просто делал вид, что ничего не замечает, сидя с прямой спиной, чтобы малыш не начал вести себя слишком нагло.

Е Наньмянь тоже не расстраивался, глядя на своего отца, и мягким голосом сказал:

— Отец, я тоже хочу переехать в передний двор и учиться вместе со старшим братом. Когда я один в заднем дворе, мне некому задать вопросы, и поэтому у меня нет мотивации учиться.

Е Чуйгань, не задумываясь, ответил:

— Это прекрасно, А-Мянь, с этого момента учишься вместе со старшим братом. Я поговорю с твоей матушкой. Завтра выходной, и я велю подготовить для тебя двор. Скажи, какой ты хочешь.

Услышав эти слова от младшего сына, Е Чуйгань был крайне рад. Раньше А-Мянь не любил учиться, целыми днями бегал по поместью, создавая хаос, а теперь вдруг захотел серьезно заняться учебой.

Е Наньянь посмотрел на старшего брата, который по-прежнему оставался бесстрастным, и, тайно высунув язык, с серьезным видом сказал:

— Каждый раз, когда я начинаю читать, я могу сосредоточиться, но через некоторое время я теряю интерес и хочу пойти погулять.

Е Чуйгань, глядя на хмурого сына, весело рассмеялся:

— Что тут сложного? Если ты хочешь хорошо учиться, ты должен уметь терпеть одиночество. Так что учись вместе со старшим братом, и пусть он следит за тобой, чтобы ты не ленился.

Сказав это, он не удержался и погладил голову младшего сына, а заодно и ущипнул его за щеку.

Е Наньянь: [...]

Теперь Е Наньянь был недоволен. Голову можно гладить, но его щека принадлежала старшему брату, и никто другой не мог ее трогать.

— Отец, ты не можешь щипать мою щеку, — подумав, он добавил:

— И в будущем тоже нельзя.

Е Чуйгань был слегка удивлен и даже хотел снова ущипнуть его, но сдержался и спросил:

— Я твой отец, ты мой сын, почему я не могу это делать?

Е Наньянь на мгновение растерялся и не нашел ответа, только повысил голос:

— Просто нельзя.

Он мысленно добавил: «Вы никогда не проводите время со мной, всегда только старший брат играет со мной. Это моя награда для старшего брата».

Е Чуйгань: [...]

Действительно, мой сын. Когда не может найти причину, просто повышает голос.

— Хорошо, больше не буду. В будущем буду только гладить тебя по голове, А-Мянь, как тебе?

Е Наньянь подумал, что старший брат может щипать его за щеку и гладить по голове, а если захочет, то и трогать другие места. А вот отец может только гладить по голове. Хотя он чувствовал себя немного виноватым перед отцом, он больше всего любил старшего брата,

поэтому ему пришлось пожертвовать отцом.

Итак, Е Наньмянь с улыбкой ответил:

— Конечно, отец, в будущем ты можешь гладить меня по голове.

Е Чуйгань: [...]

Значит, в будущем я могу только гладить своего сына по голове. Это действительно мой сын.

— Хорошо, но скажи, А-Мянь, кто может щипать тебя за щеку?

Е Наньмянь, услышав это, украдкой взглянул на старшего брата и, увидев, что тот по-прежнему не обращает на него внимания, громко сказал:

— Старший брат может.

Сказав это, он повернулся и с улыбкой посмотрел на Е Наньфэна, его большие глаза были полны радости и обаяния.

Е Наньфэн внутренне посмеялся, но сохранил серьезное выражение лица, продолжая наблюдать за этой сценой.

Е Чуйгань вдруг почувствовал, что его авторитет пошатнулся, и с притворной грустью сказал:

— А-Мянь, неужели ты действительно можешь оставить своего отца, который работает до поздней ночи, и не дать ему даже ущипнуть твою щеку?

Е Наньмянь посмотрел на жалобного отца, затем на старшего брата и твердо покачал головой:

— Отец, ты можешь гладить меня по голове.

<http://bllate.org/book/15521/1379549>